

ПУТЬ

ОРГАНЪ РУССКОЙ
РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ.

подъ редакціей Н. А. БЕРДЯЕВА,
при участіи Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА.

Въ предшествующихъ книжкахъ «Пути» были напечатаны статьи слѣдующихъ авторовъ: Н. Н. Алексѣева, П. Ф. Андерсона, Н. С. Арсѣнѣва, М. Артемѣва, П. Аршанбо (Франція), Н. Афанасьева, С. С. Безобразова (Иеромонаха Кассіана), Е. Беленсонъ, Н. А. Бердяева, П. Биццли, Н. Бубнова, прот. С. Булгакова, Р. Вальтера, бар. Б. Вревскаго, Б. П. Вышеславцева, В. Вейдле, Франка, Гавена (Америка), М. Георгиевскаго, С. Гессена, А. Глазберга, Н. Н. Глузковскаго, И. Гофштеттера, В. Гриневичъ, Иеромонаха Льва Жиллзъ, Л. А. Зандера, В. А. Зандеръ, Н. Зернова, В. В. Зѣньковскаго, свящ. А. Ельчанинова (†), П. К. Иванова, Ю. Иваска, В. Н. Ильина, А. Карпова, Л. П. Карсавина, А. Карташева, Н. А. Клепинина, С. Кавертна (Америка), К. Керна (Англія), Г. Колпакчи, Л. Козловскаго (†). (Польша), Г. Г. Кульмана, Т. Ц. Ку (Китай), М. Курдюмова, А. Лазарева, И. Лаговскаго, Ф. Лива (Швейцарія), М. Литвиакъ, Н. О. Лосскаго, Ж. Маритена (Франція), К. Мочульскаго, Я. Меньшикова, П. И. Новгородцева (†), прот. Налимова (†), С. Олларда (Англія), А. Погодина, Р. Плетьева, А. Полотебневой, В. Расторгуева, Н. Реймерса, А. М. Ремизова, Д. Ременко, Русскаго Инокъ (Россія), Ю. Сазоновой, графа А. Салтыкова, Н. Сарафанова, К. Сережникова, Е. Скобцовой (Матери Маріи), И. Смолича, В. Сперанскаго, Ѳ. А. Степуна, И. Стратонова, В. Сеземана, П. Тиллиха (Германія), Н. Тимашева, С. Троицкаго, кн. Г. Н. Трубецкаго (†), Н. Турганевой, Н. О. Федорова (†), Г. П. Федотова, свящ. Г. В. Флоровскаго, С. Л. Франка, прот. С. Четверикова, Д. Чижевскаго, В. Эккерсдорфа, Г. Эренберга (Германія), свящ. Г. Цебрикова, Л. Шестова, кн. Д. Шаховскаго (Иеромонаха Іоанна), аббата Августина Якубизіака (Франція), кн. С. Щербатова.

— Адресъ редакціи и конторы: —
10, BD. MONTPARNASSE, PARIS (XV).

Цѣна 46-го номера : 10 фр.

Подписная цѣна — въ годъ фр. 35. — (4 книги). Подписка принимается въ конторѣ журнала.

НОВЫЯ КНИГИ

КРАСОТА ЧЕХОВА

М. Курдюмовъ . «Сердце смятенное» (о творествѣ Чехова).
YMCA-Press 1934 г.

Вотъ одна изъ книгъ по иному, чѣмъ прежде, освѣщающихъ происходящее въ мірѣ. Горная дорога, на которую вступили нѣкоторые (къ сожалѣнію, далеко не всѣ) русскіе послѣ отечественныхъ потрясеній, даетъ имъ новое видѣніе историческихъ и художественныхъ явленій. Благодаря такимъ книгамъ, тайны плоской равнины, по которой много вѣковъ шли христіанскіе народы, позабывъ свою первоначальную цѣль, потерявъ дорогу, и сами не понимая, что съ ними происходитъ, — начинаютъ раскрываться.

«Можно ли черезъ Чехова разгадать сколько нибудь загадку Россіи?» — спрашиваетъ авторъ.

Чеховъ не дожиль одного года до первой революціи, когда подлинный ужасъ впервые дохнулъ на благополучную Россію. Однако, именно, Чеховъ, подводитъ насъ къ самымъ корнямъ катастрофы, къ ея глубокимъ и внутреннимъ истокамъ. «Изъ многихъ «слагаемыхъ» чеховскихъ разсказовъ (своеобразно выражается авторъ) получается страшная «сумма»: неизбежность революціи, неизбежность духовнаго порядка».

Чеховъ не только предчувствовалъ гибель старой Россіи, онъ изображаетъ людей, которымъ суждено возродиться послѣ несчастій, поразившихъ Россію.

Не лишенныхъ людей, не неврастениковъ, не нытиковъ, какъ многимъ казалось, Чеховъ выводитъ людей, которые лѣтъ черезъ 20 послѣ его смерти стали возвращаться къ Христу и къ церкви, получили даръ вѣры. Онъ изображаетъ невѣрующихъ — самъ невѣрующій — такими чертами, что чувствуется въ нихъ (хотя еще не ожившій) Господь — души, въ которыхъ рождается Христосъ.

Страданія людей, которые любятъ Бога и ближнихъ, но вѣры не имѣютъ — вотъ какую трагедію человѣка прозрѣлъ Чеховъ.

Такова основная тема книги. Авторъ путемъ тонкаго анализа вскрываетъ внутренняго человѣка въ персонажахъ Чехова и показываетъ, что ихъ невѣріе стоитъ какъ бы уже передъ тончайшей перегородкой, которая вотъ-вотъ разорвется. И потому герои писателя такъ хрупки, и муки ихъ такъ утонченны. въ душѣ они христіане, какъ есть поэты въ душѣ (все чувствовать и не мочь!) — какъ бы неудачники, но въ которыхъ должно произойти чудо: явиться талантъ.

Присмотритесь, напримѣръ, къ «Тремъ сестрамъ». Вы встрѣчаете людей чрезвычайно деликатныхъ до полной уступчивости окружающимъ ихъ себялюбцамъ (возьми мою комнату, мой домъ, мое состояніе, если потребуешь). Однако внутренне онѣ противостоятъ всѣмъ сердцемъ людямъ матеріалистически настроеннымъ (истинная черта святыхъ: борьба съ врагами не внѣшняя, а внутренняя). Онѣ чрезвычайно добры: при нуждѣ людей сами отдаютъ все, что имѣютъ (при пожарѣ города Ольга говорить: «все отдай, няня, что у насъ есть»). Онѣ жалѣютъ ближнихъ и чрезвычайно умаляютъ значеніе своей работы, на самомъ дѣлѣ жертвуя жизнью, т. е. своимъ трудомъ, не оставляющемъ отдыха, жизни для себя (таковы Астровъ, Дядя Ваня, Алехинъ и др.). И въ то же время онѣ по своему (косноязычно) вопіютъ къ небу: что такое лейте-мотивъ трехъ сестеръ: «въ Москву!» — въ немъ можно различить два смѣшавшихся музыкальных тона: Бодларовское отчаяніе невѣрія: «куда угодно, куда угодно, только прочь изъ этого міра» и тихую молитву вѣрующихъ: «Да придетъ царствіе Твое».

И вотъ что еще совершилъ этотъ великій русскій художникъ Чеховъ. Онъ изобразилъ истинное воскресеніе въ душѣ человѣка. Что не удалось въ «Воскресеніи» полувѣрующему Толстому, то сдѣлалъ невѣрующій Чеховъ. Авторъ «Смятеннаго сердца» проникновенно рисуетъ этотъ истинно-христіанскій процессъ воскресенія въ душѣ Лаевского и его жены («Дуэль»).

Чехову дано было изобразить и цѣлый рядъ по настоящему вѣрующихъ, почти святыхъ людей — объ этомъ тоже говоритъ авторъ.

Раскрывъ тайну сердца хорошихъ людей своего времени Чеховъ поставилъ глубочайшій вопросъ: почему столь страшное несчастье тяготѣло надъ ними? — почему у нихъ не было вѣры? Этотъ вопросъ совпадаетъ съ тайной, давно озадачивавшей вниманіе всѣхъ думающихъ людей: въ 19 вѣкѣ въ Россіи отсутствіе правды въ христіанскомъ обществѣ чувствовали, главнымъ образомъ, люди невѣрующіе; между тѣмъ сами христіане, находили что, если и есть у насъ плохое, то только, благодаря атеистамъ, которые «мутятъ». Не будь атеистовъ, все было бы вполне благополучно. Вообще отношеніе къ атеистамъ у церковнаго народа было не милостивое.

Теперь, когда многіе атеисты сдѣлались горячо вѣрующими и счастливыми людьми (а прежде, по свидѣтельству художника, были столь несчастны), можно сказать: неимѣніе вѣры было не только несчастье, это былъ крестъ Господень, быть можетъ, тягчайшій изъ крестовъ. И слѣдующая важная мысль: таковъ былъ промыслъ Божій о русской церкви. До времени многіе лучшіе люди не получили вѣры. И вотъ теперь Господь позвалъ ихъ, чтобы они своей выстраданной любовью ко Христу влили горячую кровь въ застывающее тѣло церкви.

Правду сказалъ однажды Н. А. Бердяевъ, что блудные сыновья, вернувшись къ Отцу, исполнять великую задачу.

Чтобы привести ко Христу еще не вернувшихся братьевъ своихъ, необходимо говорить на ихъ языкѣ и говорить милостиво. Тотъ, кто испыталъ трагедію невѣрія, во истину знаетъ, что такое милость Божія. Новые учителя будутъ менѣ подвижниками.

ми, но болѣе милостивыми, (по слову Христа: «милости хочу, а не жертвы».)

Вотъ къ какимъ мыслямъ приходитъ болѣе углубленный анализъ творчества русскаго художника.

У Чехова есть люди, которые въ его безпощадномъ изображеніи производятъ впечатлѣніе страшное. Это не убійцы, и не преступники, даже не великіе грѣшники (къ этимъ Чеховъ пробуждаетъ жалость), это пошляки. Во времена Чехова понятіе пошлякъ получило особое содержаніе: человекъ съ совершенно выраженнымъ матеріальнымъ вкусомъ (любовникъ матеріи). Самодовольство этихъ людей по истинѣ ирраціонально: съ какимъ то нечеловѣческимъ правомъ они заставляютъ всѣхъ служить своей самости; и уничтожаютъ, заѣдаютъ все себѣ непокорное или имъ ненужное (таковы: Наташа — («шершавое животное» («Три сестры»), Анисья — «гадюка» («Въ оврагѣ»), Аркадина — «актриса» («Чайка»). Когда раскрывается передъ читателями ужасная безжалостность этихъ людей, приходятъ на умъ слова Христа: «вашъ отецъ діаволъ». Если Чехову дано было изобразить людей какъ бы созрѣвшихъ, чтобы стать послѣ призванія истинными христіанами (т. е. друзьями Христа), то вотъ эти, также изображенные имъ, представляютъ иначе созрѣвшій рядъ людей — въ противоположную сторону отъ Христа.

Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Курдюмова, столь высокой по своей основной темѣ, есть тяжелый провалъ. Это тѣ полторы страницы (27-28), гдѣ говорится объ изображеніи любви у Чехова. Мы не будемъ цитировать, такъ какъ тонъ автора здѣсь нестерпимъ.

Утверждая, что «Чеховъ, какъ человекъ былъ въ высшей степени скромнъ, внутренне застѣнчивъ, какъ писатель», — откуда могъ почерпнуть г. Курдюмовъ, что самъ «онъ никогда не испытывалъ большого чувства».

Между тѣмъ вѣрное освѣщеніе этой стороны творчества подтверждаетъ самую важную мысль книги «Сердце смятенное».

То, что г. Курдюмовъ принимаетъ за «любовь» въ произведеніяхъ Чехова (отношеніе дяди Вани и Астрова къ Еленѣ Андреевнѣ и Андрея къ Наташѣ («Въ Трехъ Сестрахъ») — есть не болѣе, какъ грубое очарованіе сильно дѣйствующей женщины (половой магізмъ).

Совсѣмъ не здѣсь Чеховская любовь. Самая печальная мелодія въ искусствѣ это сказаніе о нераздѣленной или неудавшейся любви. Наиболѣе острыя, тончайшія переживанія связаны съ этимъ чувствомъ. И, именно, въ изображеніи этой любви Чеховъ высокій мастеръ. *)

«Домъ съ мезаниномъ», «О любви», «Три года», «Моя жизнь» здѣсь одна любовь входитъ въ другую любовь и чрезвычайно утончаетъ разсказъ (любовь Аняты Благово); всѣ пьесы Чехова овѣяны чувствами нераздѣленной любви.

*) Впрочемъ въ разсказѣ «Степь» Чеховъ замѣчательно изображаетъ счастливую, свѣтящуюся любовь (мужикъ Константинъ).

Въ Чайкѣ тончайшее кружево сердечной боли: страданія одной любви неудачной обостряется неудачей слѣдующей: Маша любить Треплева, Треплевъ любить Нину, Нина любить Тригорина. Красота пьесы «Дядя Ваня» какъ бы сдѣлана любовью Ани къ Астрову. Она своимъ чувствомъ раскрываетъ его душу, ея музыку.

Неудача въ земномъ счастьѣ — есть обреченность человѣка. Но не извѣстно ли давно, что Божіе избранничество всегда несетъ неудачу въ земныхъ дѣлахъ. Это чувство, присущее героямъ Чехова, подтверждаетъ основную мысль книги г. Курдюмова. Ихъ ожидаетъ любовь Христа.

Нельзя не сказать о роли Художественнаго театра въ раскрытіи сокровеннѣйшаго въ творчествѣ Чехова (г. Курдюмовъ умалилъ значеніе Худ. т-ра).

Эмблема Художественнаго театра: Чайка. По пьесѣ это символъ нераздѣленной любви («помните вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ... Сюжетъ для небольшого рассказа» — Нина о своей любви и о своей жизни).

Несчастливая любовь! Слова любви умираютъ въ сердцахъ — ихъ некому сказать. Порой вырвется жалоба, одинъ печальный звукъ.

Чтобы изобразить такое чувство необходимо сказать нѣчто между словъ — повліять на читателя внутренней музыкой. Художественный театръ сумѣлъ передать невысказанное.

То, что въ началѣ существованія Художественнаго театра наивно называли «настроеніемъ» на сценѣ — была музыка душъ, и еще выше: музыка жизни. Молчаніе на сценѣ (паузы) говорили больше, чѣмъ слова — вотъ новое, самое высшее достиженіе въ драматическомъ искусствѣ.

Постановка Чехова въ Художественномъ театрѣ была роковымъ событіемъ для театра вообще: кому захочется отъ поэзій возвращаться къ прозѣ, отъ музыки душъ, къ ихъ словесному выраженію.

И Художественный театръ не даромъ называютъ Чеховскимъ, ибо все остальное въ немъ только занимательное или великолѣпное представленіе (новое — въ подробностяхъ: живая толпа, причудливость обстановки). И какъ бы навсегда раненные чеховской музыкой, напрасно ищутъ чуткіе люди теперь то, что пережили они въ настоящіе дни театра.

Но углубимся еще въ переживание на сценѣ Чеховскихъ пьесъ и мы опять встрѣтимся съ основнымъ взглядомъ г. Курдюмова на творчество Чехова.

Музыка сцены дала возможность проникнуть сердцемъ не только въ страданія нераздѣленной любви, но въ нѣчто гораздо большее.

Первыя представленія Чайки (1898 г.) вызвали необычайную восторженность (несомнѣнно мистическаго характера), экстазъ. Нѣчто небывалое, потрясающее испытывали москвичи на представленіяхъ «Чайки». Что это было за чувство?

Чтобы стать ближе къ тогдашнему душевному состоянію припомню одну странную фразу подъ адресомъ Чехову, посланномъ послѣ 3-го представленія «Чайки»: «въ зрительномъ залѣ не было ни одного человѣка, кто не почувствовалъ бы себя въ вашихъ персонажахъ».

Авторъ этого адреса — кн. Ал. Ив. Урусовъ (одинъ изъ самыхъ утонченнѣйшихъ людей тогдашней Москвы) въ это время былъ уже боленъ неизлѣчимой болѣзнью (умеръ черезъ 1½ года) — что нашелъ онъ сродни себѣ въ «Чайкѣ»? (*).

Послѣ одного изъ представленій «Чайки» авторъ этихъ строкъ вмѣстѣ съ Урусовымъ возвращался пѣшкомъ изъ театра. Князь былъ въ необыкновенномъ волненіи. На углу одной темной улицы вдругъ остановился и воскликнулъ: Всегда мы ждемъ, что жизнь вдругъ раскроется по иному, наступить необычайно прекрасное — вотъ эта музыка все время льется со сцены, и сердце горитъ.

Скажемъ яснѣе. Сокровеннѣйшее звучаніе чеховской музыки — это тотъ же мессіаниззмъ, которымъ исполнена высокая литература 19 вѣка. Эти простыя и наивныя мечты людей, въ душахъ которыхъ рождался Христосъ, — черезъ 200-300 лѣтъ, — заключали въ себѣ таинственно — родное русскому сердцу, святой Руси.

— «Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ» — эти слова какъ бы о загробномъ существованіи — заключаютъ въ себѣ апокалипсическую тончайшую матеріальность. Это воскресеніе еще здѣсь на землѣ.

Петръ Ивановъ.